

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

176

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАВКАЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

176

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАВКАЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ОШСКОГО ОАЗИСА

В древности Ош-Карасуйский (в дальнейшем его называем просто Ошским) земледельческий оазис был одним из крупнейших в Ферганской долине. Его археологическое изучение начал в 1941 г. А. Н. Бернштам. В 1946—1947 гг. исследования были продолжены и на план нанесены несколько древних поселений на левом берегу р. Акбуры к югу от г. Ош¹. Ныне эти места вошли в границы современного города, и сохранились только два поселения. В 1954—1956 гг. мною выявлено несколько ранее неизвестных памятников в Ошском оазисе.

Большой вклад в изучение прошлого оазиса внесли сотрудники Ошского областного музея Ю. Д. Баруздин, А. И. Пошко и особенно Е. В. Дружинина. В 1956 г. А. И. Пошко обследовал пещеру Орлов на горе Тахти-Сулейман и нашел кремневые изделия, которые ныне относят к эпохе неолита. Он же обследовал древнее поселение около Ошской МТС и обнаружил захоронения древнего периода. На поселении найдены четыре серебряные сасанидские монеты².

Е. В. Дружинина собрала значительную коллекцию чустской керамики на горе Тахти-Сулейман и проводит систематические наблюдения и сборы археологических находок при земляных работах в городе.

Новый этап изучения Ош-Карасуйского оазиса начинается в 1976 г., когда Ферганская экспедиция ЛОИА АН СССР (начальник Ю. А. Заднепровский) приступила к систематическому и планомерному изучению разновременных памятников. В 1976—1977 гг. осуществлены небольшие раскопки на поселении чустской культуры Хожамбаг. Начиная с 1976 г. исследовалось Ошское поселение чустской культуры на горе Тахти-Сулейман. В 1976—1977 гг. раскопана усадьба шурабашатского периода Хожамбаг-тепе, расположенная возле поселения бронзового века. Вторая усадьба этого же времени — Мирзалим-тепе — на восточной окраине г. Ош изучена в 1979—1980 гг. В могильнике Озгор II в долине Акбуры к югу от города вскрыто 18 курганов эпохи раннего железа. На могильнике Озгор I обнаружено богатое женское захоронение в катакомбе первых веков нашей эры. В оазисе найдены каменные орудия эпохи мустье. В северной части г. Ош выявлены остатки построек средневекового пригорода эпохи Бабура XV—XVI вв. В итоге пятилетних исследований получены материалы для характеристики основных этапов древней истории оазиса, начиная с эпохи среднего палеолита, примерно от 40 000 лет тому назад, и до развитого феодализма поры правления Бабура.

I этап. Каменные рубящие орудия эпохи мустье найдены в пещере Сасык-Ункур у сел. Араван в 1967—1968 гг. М. Б. Юнусалиевым и В. А. Рановым³. Два десятка кремневых изделий этого времени встречены нами при раскопках усадьбы Мирзалим-тепе в 1979—1980 гг. В шурфе, заложенном П. Павловым вблизи усадьбы, на глубине более 4 м в слое найдены такие же каменные орудия. Это первый случай обнаружения в равнинной части Ферганы своего рода культурного слоя эпохи мустье. По всей вероятности, на этом месте была стоянка охотников каменного века. Материалы эпохи мустье П. Павлов выявил еще в нескольких пунктах оазиса.

II этап. Оазис был освоен человеком также и в эпоху неолита примерно в V—VI тысячелетиях до н. э., судя по находкам каменных орудий в пещере Орлов на Тахти-Сулейман.

III этап. Оседлоземледельческое население появилось здесь в эпоху поздней бронзы на рубеже II—I тысячелетий до н. э.⁴ В этот период в ряде районов Ферганской долины возникают первые в истории края земледельческие оазисы, население которых принадлежит к чустской культуре. В настоящее время в Ошском оазисе известно около 30 чустских поселений. Это составляет более 1/3 всех известных памятников на территории

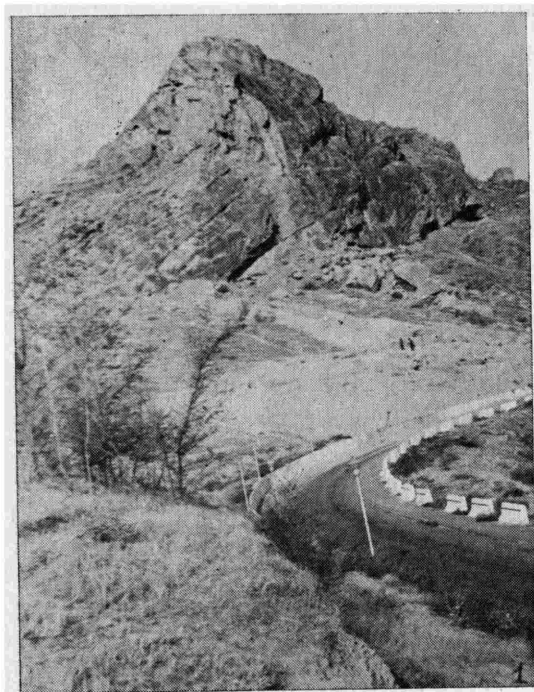

Рис. 1. Ошское поселение эпохи бронзы

1 — общий вид;

ложенных на северо-западном и северном склонах горы, дают основание полагать, что Ошское поселение окружало кольцом центральную вершину Тахти-Сулейман.

На площади около 700 кв. м на террасах выявлены уровни хорошо утрамбованной глинобитной жилой поверхности (пола). На полах четко выделяются многочисленные округлые хозяйственные ямы. В одной из самых больших ям (№ 43, $2,5 \times 1,5$ м) оказались крупные обломки скалы, два раздавленных сосуда *in situ*, четыре обломка зернотерок, четыре отбойника, пест и много керамики, среди которой — 16 фрагментов с росписью. В других ямах найдено много угля. Всего расчищено более 80 ям, выкопанных в твердой щебенке одновременно.

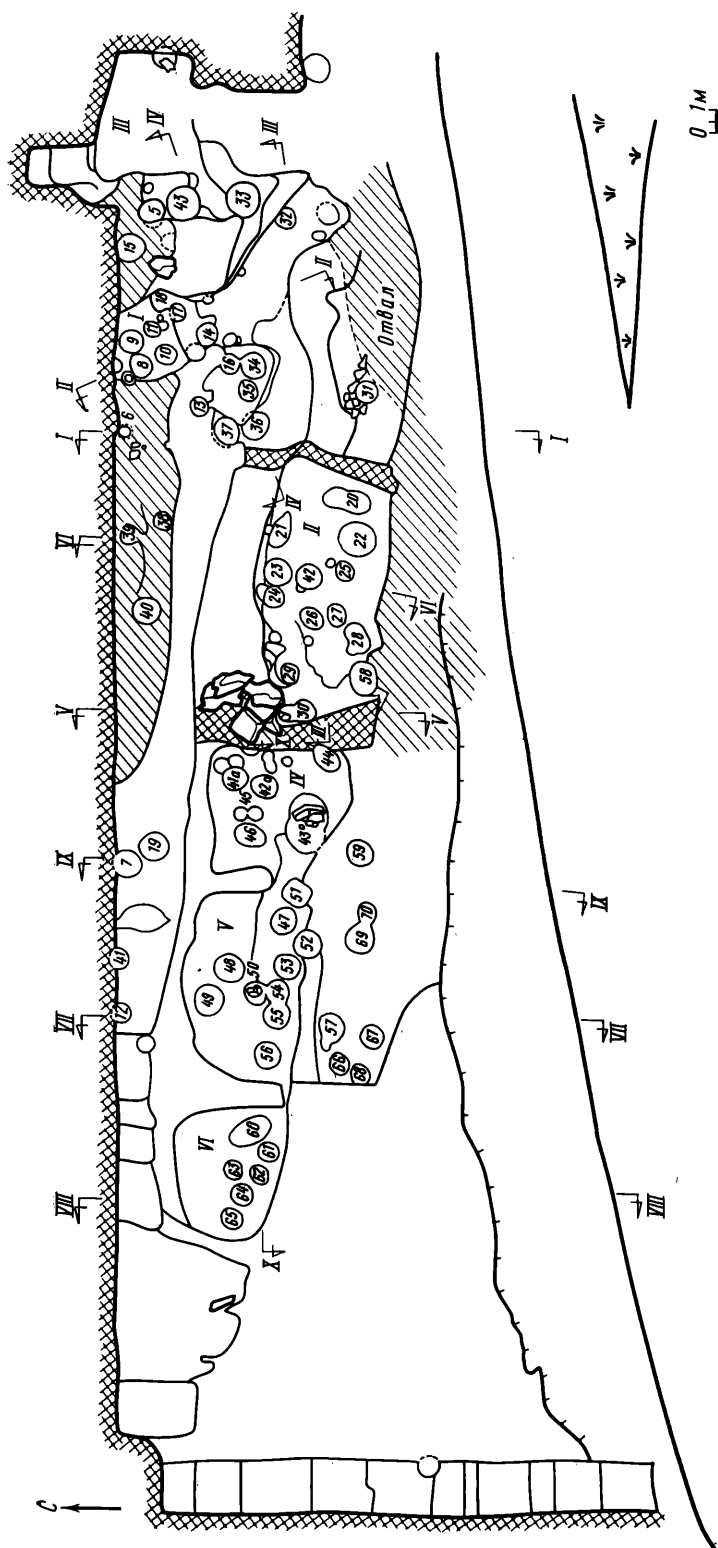
Остатки жилищ в виде котлованов землянок обнаружены на трех нижних террасах. На верхней расчищена прямоугольная узкая землянка, вытянутая с севера на юг, выкопанная в щебенке на глубину 1 м. Ширина ее 3, 5 м; длина сохранившейся части около 5 м. Южная часть землянки на склоне горы разрушена. На ее полу находилось 8 ям, которые занимали почти всю его поверхность. В углу стоял большой кухонный котел. Рядом лежали части второго кухонного сосуда и зернотерки.

Жилище II выделяется большими размерами (длина 11 м и ширина не менее 5 м) и ориентацией по линии запад — восток. На полу оказалось 15 ям. К западу от этого жилища расположена землянка IV. В северный склон горы врезаны котлованы жилища V размером $8,5 \times 6$ м и жилища VI. Все землянки нечеткой формы, что объясняется их местоположением на склоне горы и плохой сохранностью. Ошское поселение — третье в Фергане после Дальверзина и Чуста, где имеются землянки. Их расположение на разных террасах составляет особенность Ошского поселения и до сих пор нигде в Средней Азии неизвестно.

Основную массу находок составляют целые сосуды и их многочисленные обломки. Собрано более 1100 фрагментов керамики всех основных групп, характерных для чустской культуры. Преобладает керамика с крас-

Ферганы в целом. Такое скопление их в одном районе объясняется особо благоприятными условиями, существовавшими здесь для развития земледелия без применения сложных систем искусственного орошения. Центральным поселением было Хожамбагское, занимающее площадь более 4 га. Оно состоит из нескольких холмов-тепе и представляет новый тип рассредоточенного чустского поселения.

Большие стационарные раскопки проводятся на Ошском поселении чустской культуры, расположенном на южном склоне горы Тахти-Сулейман. Древний поселок располагался террасами на крутом склоне, общая высота падения в пределах раскопа составляет около 30 м (рис. 1). Нами исследовано четыре жилых террасы, а всего на данном участке их предположительно было не менее десяти. Они начинаются почти от скального основания вершины горы. Наблюдения в шурфах, за-

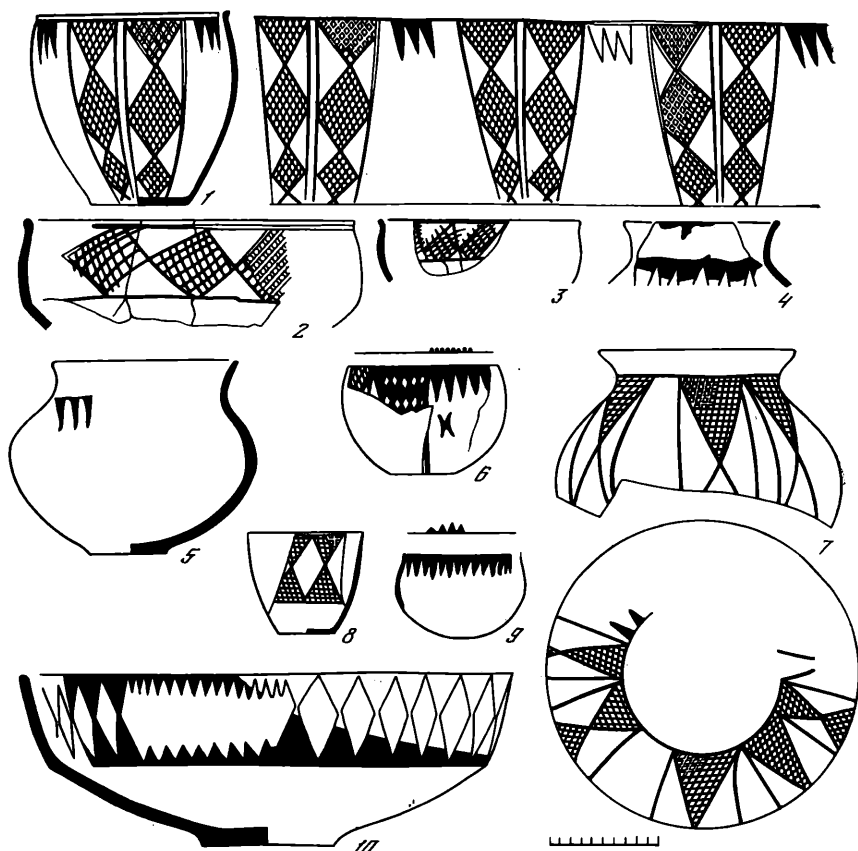

Рис. 2. Ошское поселение. Расписные сосуды (1—10)

ной облицовкой. Основные формы посуды такие же, как в Дальверзине и Чусте.

В отличие от других памятников на Ошском поселении оказалось необычно большое количество расписной посуды (около 7%), тогда как на Дальверзине она составляла всего 1,2%. Всего здесь найдено 740 фрагментов с росписью (рис. 2), и по количеству их Ошское поселение стоит на втором месте в Фергане после Дальверзина — центрального поселения чустской культуры⁵.

В собранной коллекции представлены образцы расписного орнамента, не уступающие лучшим изделиям гончаров «столичного» Дальверзина. Особо отметим уникальные находки расписной керамики с зооморфным орнаментом. На одном из фрагментов изображен козел черной краской на красном фоне, на другом — какая-то птица. Это первые находки за все 30 лет изучения чустских памятников Ферганской долины.

Древние жители широко пользовались каменными орудиями. На поселении собрано более 310 изделий, среди них — типичные для чустской культуры каменные серпы, песты, зернотерки, отбойники и др. Отметим находку прекрасно отшлифованного каменного наконечника булавы. Изделия из металла малочисленны — за все годы найдено лишь три бронзовых шила. Имеются также бусы из сердолика и обработанные альчики, которыми пользовались в игре. Весь набор изделий из камня и бронзы идентичен набору изделий других чустских памятников Ферганы конца II — начала I тысячелетия до н. э. Эта дата подтверждается тремя радиоуглеродными определениями возраста Ошского поселения: 3470 ± 40 (1520 $\pm$ 40 до н. э.), 2940 ± 40 (990 $\pm$ 40 до н. э.), 2570 ± 40 (620 $\pm$ 40 до н. э.). Всего в настоящее время по чустской культуре уже имеется шесть определений

по трем памятникам (Дальверзин, Чуст, Ошское поселение), которые в совокупности образуют основу абсолютной датировки древнеземледельческих памятников Ферганы.

Причины, способствовавшие сложению довольно крупного чустского поселения на горе Тахти-Сулейман, пока еще не выявлены, так же как не ясно и функциональное назначение этого поселения расположенного в 50 км от Дальверзина. Не вызывает сомнения только одно: начиная с эпохи поздней бронзы на территории Оша непрерывно обитало оседло-земледельческое население и наблюдается преемственное развитие оседло-земледельческой культуры в оазисе.

IV этап в истории оазиса может быть охарактеризован по находкам в могильнике Озгор II, который относился к эпохе раннего железа. В это время происходят резкие изменения в облике культуры. На смену бронзовым орудиям приходят орудия из железа. В этот период впервые в Фергане появляется гончарный круг и резко меняются формы и способы украшения и отделки глиняной посуды. В ходе работ на могильнике Озгор II были дополнены и уточнены наши представления о культуре раннежелезного века оазиса, известной по малочисленным материалам могильника Тюлейкен, исследованного А. Н. Бернштамом в 1947 г.⁶ Озгор II расположен в 10 км к югу от г. Ош, на высокой террасе левого берега р. Акбура. На небольшом участке разбросано 25 невысоких курганов. При расчистке насыпи обнаружено два каменных кольца вокруг грунтовой могилы. Они сложены из нескольких рядов больших речных валунов. Раскопано 18 курганов. Захоронения производились в простой грунтовой могиле. Все они ограблены в древности, и до нас дошли лишь разрушенные кости и часть сопровождавших умершего вещей.

Всего в могильнике найдено 26 лепных сосудов и 16 сосудов, изготовленных на гончарном круге. Подобная посуда типична для захоронений VI—IV вв. до н. э., которые ранее были изучены Н. Г. Горбуновой около г. Ферганы⁷. Кроме сосудов, в могилах найдены бронзовые украшения, перстни, наконечник стрелы, разные бусы, своеобразные костяные поделки и сильно разрушенные железные предметы. Именно эти находки вместе со своеобразной станковой, эйлатанской посудой и дают основание относить могильник к раннежелезному веку, к памятникам Актамской группы. Последние занимают подгорную полосу, начиная от Ферганы — Вуадиля и до Ошского оазиса. Исследованный могильник от других подобных памятников отличается по устройству наземных сооружений (два каменных кольца), по находкам железных наконечников стрел (в двух курганах), а также по большому количеству станковых кувшинов, которые не известны в Актамском могильнике. Зато в Озгоре пока не найдено крашенных и расписных сосудов. Все эти особенности составляют локальное своеобразие и, быть может, хронологическое. Есть основание относить могильник к позднему этапу рассматриваемых памятников.

На берегу Акбуры возле могильника выявлены остатки селища, одновременного могильнику. Подобные поселения в других местах не известны.

V этап представлен материалами двух раскопанных домов-усадеб шурабатского периода (IV—I вв. до н. э.) — Хожамбаг и Мирзалим-тепе. Они резко различаются по планировке. На Хожамбаг-тепе (в 6 км к юго-востоку от г. Карасу) полностью вскрыта постройка верхнего строительного горизонта. Дом прямоугольный в плане площадью 750 кв. м. В нем было семь комнат, расположенных в три ряда с севера на юг. Все они небольших размеров, за исключением центральной, площадь которой 20 кв. м. Здание нижнего горизонта вскрыто частично. Оно занимало большую площадь и было ограждено внешней стеной, овальной в плане формы. Хожамбаг-тепе — это отдельно стоящий дом. Размеры комнат, простота убранства и бедность инвентаря указывают на то, что дом принадлежал семье рядового общинника-землеладельца.

Мирзалим-тепе находится на восточной окраине г. Ош, примерно в 15 км от Хожамбаг-тепе (по прямой). Это овальное тепе длиной около

65 м, вытянутое с севера на юг. В северной половине возвышается холм, полностью раскопанный. Площадь укрепленной части составляет более 400 кв. м, (длина 24 м, ширина более 15 м). Ширину точно определить нельзя из-за разрушения восточной части тепе. Удалось восстановить планировку дома. В плане он прямоугольной формы. Внешние стены толщиной 2 м, сложены из прямоугольных пахсовых блоков и сохранились на высоту 2–2,4 м. Внутренние стены из сырцового кирпича.

Монументальной стеной толщиной 1,5 м, в два раза большей, чем обычные стены, дом разделен на две почти равные части — северную и южную. В северной половине — шесть небольших комнат. Три расположены в ряд вдоль северной внешней стены и три — к югу от них. В северо-восточной части был вход в северную половину. Все комнаты соединены проходами. Самая большая в этой части комната 3 площадью 26 кв. м. Стены комнаты оштукатурены и побелены. Посредине восточной стены находится очаг каминного типа. В юго-западном углу расчищено сооружение неизвестного назначения в виде прямоугольной пристройки с низким глинобитным валиком. Около него найдена очажная подставка кашпообразной оригинальной формы. В полу расчищен большой хум. Почти все основные находки в доме обнаружены на полу комнаты 3, в том числе и медная восточная монета.

В южной половине выделяется размерами и конструктивными деталями комната 4. Это квадратный зал (8,2 × 8,2 м). В центре его, в полу, — большой очаг, по четырем сторонам на равном расстоянии располагались основания для колонн. Хорошо сохранились остатки сгоревшего деревянного помоста, который проходил вдоль трех стен, за исключением южной. Следовательно, перед нами — большой четырехколонный зал с помостом-суфой, служившей для отдыха и коллективных трапез. Кроме центрального очага в разных частях имелось еще десять очагов, расположенных в определенном порядке.

Особо выделяется в доме комната 7 в восточной части. Она отличается четырехлепестковой формой. Никаких находок в ней не было. Аналогий ей в памятниках Средней Азии не известно.

В юго-восточной части находится разрушенная комната 8, которая может быть реконструирована в виде айвана с двумя колоннами, открытого на восток. Южная половина представляет парадную часть дома, в котором основное место занимали квадратный четырехколонный зал — своего рода михмонхона и загадочная фигурная комната, возможно, культового назначения.

При раскопках собрано почти 3500 фрагментов керамики, сходной с керамикой комплекса городища Шурабашат, в том числе своеобразная крашенная и расписная. Судя по количественному соотношению групп керамики, Мирзалим-тепе относится к позднему этапу шурабашатского периода — ко II—I вв. до н. э. Это подтверждается и радиоуглеродным определением сгоревшего дерева от помоста в комнате 4. Он дал 1880 ± 40 , т. е. 70 ± 40 н. э. Отсюда следует, что Мирзалим-тепе можно датировать по C¹⁴ рубежом нашей эры.

В таких укрепленных домах — сельских усадьбах, как Хожамбаг и Мирзалим-тепе, и обитала основная масса земледельческого населения Ферганы эпохи Даваньского царства. Выявленные две разновидности усадьбы позволили дополнить типологию шурабашатских поселений и поселений древней Ферганы в целом.

VI этап датируется первыми веками нашей эры и представлен в археологических материалах станковой ремесленной керамикой, покрытой блестящим красным ангобом. Памятники этого времени в оазисе пока еще мало изучены. К рассматриваемому периоду относятся курганы с захоронениями в катакомбах могильника Озгор I. Это первый подобный памятник в Ошском оазисе. В одной катакомбе была погребена женщина с богатым набором вещей и украшений. Здесь найдены круглое бронзовое зеркало, бронзовый браслет и перстень, пряжка от пояса и медальон со вставками из цветного стекла, подвешенный на бронзовой цепочке. Очень

разнообразен набор бус в ожерелье — из сердолика, перламутра, коралла, а также стеклянные редкой формы. В могиле найден небольшой кувшинчик, покрытый красным ангобом. На поверхности его процарапано несколько тамгообразных знаков. Могила ограблена. В другой катакомбе найдены случайно уцелевшие тонкие пластинки листового золота. В катакомбах хоронили древние скотоводы.

Проведенные работы позволяют точно зафиксировать границы расселения оседлоземледельческого населения и древних скотоводов. В Опском оазисе курганы начинаются в 5 км от Акбуринской крепости — укрепленного городища этого периода, служившего форпостом земледельцев на южной границе оазиса.

VII этап — средневековый период (IX—XII вв.) в истории оазиса — хорошо известен по данным письменных источников и достаточно полно представлен в коллекции, собранной в котловане при строительстве Опского пединститута и в других пунктах. К этому периоду относится единственное сохранившееся на территории Оша архитектурное сооружение — мавзолей Асафа ибн-Бурхия, построенный в караханидскую эпоху и неоднократно перестраиваемый.

VIII этап — позднесредневековый период. К нему относятся остатки построек северного пригорода Оша, обнаруженные по материалам аэрофотосъемки К. В. Шишкиным. Для проверки на одном участке хлопкового поля заложили шурф, и в нем на глубине 80 см нашли поливную керамику XV—XVI вв., такую же, как и на поверхности.

В изложенной периодизации древней и средневековой истории Опского оазиса, отражены основные итоги пятилетних археологических исследований. Особый интерес вызывают начальные этапы формирования и становления центра оазиса, основные вехи исторического развития г. Оша — одного из древнейших в Средней Азии.

¹ Бернштам А. Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943; *Он же*. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, № 26.

² Пошко А. Археологические работы музеев в СССР за 1955—1956 гг. — СА, 1957, № 4, с. 296.

³ Юнусалиев М. Б. В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. Фрунзе, 1970.

⁴ Заднепровский Ю. А. Опское поселе-

ние бронзового века. — ИАН КиргССР, 1981, № 2.

⁵ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, 1962, № 118; *Он же*. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1978.

⁶ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки...

⁷ Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. — Арх. сб. ГЭ. Л., 1962, вып. 5.

В. И. РАСПОПОВА

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖИЛИЩА ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

Задача планомерного исследования городского жилища эпохи раннего средневековья на территории Согда поставлена не только лишь в Пенджикенте. На Афрасиабе раскопаны части нескольких домов, которые дали очень интересный материал и оказались во многом аналогичными пенджикентским¹. Поэтому можно предполагать, что жилая застройка Пенджикента вообще типична для согдийских городов. Темой самостоятельного исследования стала жилая застройка Шахристана в соседней с Согдом Уструшане². В Фергане, в пригороде Кувы, раскопаны целые кварталы VII—VIII вв.³ В Хорезме, на Топрак-кале, исследован один жилой квартал IV — начала VI вв.⁴ Большие раскопки проведены на Калаи-Кафирниган в Южном Таджикистане, где выявлены богатое и рядовые жилища⁵.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

199

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
КАВКАЗА И СИБИРИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1990

мужчин среди захороненных в толосе подростков и взрослых позволяет поставить вопрос о принадлежности лиц, обитавших в доме 28, к какой-то своеобразной (связанной с культом?) социальной прослойке, состоявшей только из женщин.

В то же время здания квартального центра было бы рискованно называть храмами или административными постройками в узком смысле слова. Это прежде всего жилые дома и определенные хозяйственные единицы, хотя и особого рода.

В смысле ориентации (на север—северо-запад и на северо-запад) и положения по отношению к окружающим домохозяйствам здание 28 больше всего напоминает «дом вождя». Находясь в месте соединения улиц, обитатели комплексов были способны при необходимости контролировать движение в пределах большого квартала. Однако для сбора жителей квартала эти комплексы не предназначались, соответствующих площадок рядом нет. Пока неясно, в какой мере комплексы 1 и 28 представляли собой иерархически одна другой подчиненные, а в какой находясь на одном уровне, но функционально различные единицы в структуре города. По богатству погребальной камеры 371 приближается к толосам «дома вождя», однако в ней отсутствуют статуэтки (атрибуты родового культа?). Это обстоятельство гармонировало бы с представлением о группе «жриц», составлявших гетерогенный коллектив и не почитавших общую родоначальницу.

¹ Массон В. М. Алтындепе. Л., 1981. С. 44—55.

² Там же. С. 36—39.

³ Tosi M. Excavations at Shahr-i Sochta// East and West. 1969. V. 19, № 3/4. Fig. 16, 18.

⁴ Caldwell J. R. Investigations at Tali-Iblis//Ill. State Mus. Prelim. Rep. 1967. N 9. Pl. 5; Casal J.-M. Fouilles de Mundigak. P., 1961. P. 41—42; Ghirshman R. Fouilles de Sialk. P., 1938. V. 1. P. 41; Jarrige J. F., Lechevallier M. Excavations at Mehrgarh, Baluchistan//South Asian archaeology, 1977. Naples, 1979. V. 1. P. 487, 511. Fig. 13; Langsdorff A., McCown D. E. Tall-i-Bakun A, season 1932. Chicago, 1942. P. 9.

⁵ Сарианиди В. И. Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3//Древняя

Бактрия. М., 1984. Вып. 3. С. 13—14; Tosi M. Op. cit. Fig. 70, 72, 74, 76, 80, 93, 106.

⁶ Массон В. М., Сарианиди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973. С. 90—91; Березкин Ю. Е. Женские терракотовые статуэтки с Алтындепе//КСИА. 1981. Вып. 167. С. 18—19, 21.

⁷ Кирчо Л. Б. Погребальный обряд и культурные традиции//КСИА. 1981. Вып. 167. С. 33; Она же. Раскопки слоев ранней бронзы на Алтындепе в 1979—1980 гг.//КСИА. 1983. Вып. 176. С. 72.

⁸ Массон В. М., Кияткина Т. П. Человек на заре урбанизации//Природа. 1976. № 4. С. 44.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭЙЛАТАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ФЕРГАНЫ

Эйлатанская культура Ферганы периода раннего железа VII, VI—IV вв. до н. э. была выделена автором в 1954 г. на основании изучения материалов поселений и могильников¹. Название дано по первому памятнику, открытому еще в 1934 г. Б. А. Латыниным — основоположником археологии Ферганы советского периода. В изучении этой культуры в настоящее время достигнуты значительные успехи, особенно в исследовании погребальных памятников, которым и посвящена данная статья.

Впервые отдельные погребения с эйлатанской керамикой были обнаружены в 1940 г. на трассе Северного Ферганского канала (СФК):

у селений Касканьяр (Чек) и Найманча. Найденные в этих могилах лепные полусферические чаши Т. Г. Оболдуева по аналогии с усуньской керамикой датировала III—II вв. до н.э.² Изучение показало, что они идентичны чашам Эйлтанского городища, и поэтому автор статьи передатировал их и отнес к памятникам эйлтанского периода. К числу последних в 1954 г. были отнесены могильник Тюлейкен около г. Ош, раскопанный в 1947 г. А. Н. Бернштамом³, единичные погребения на трассе Большого Ферганского канала и отдельные находки (чаша Анбоева). Датировка их основывалась на находке в едином комплексе могильника Шарт в Алайской долине расписной керамики эйлтанского облика вместе с двумя бронзовыми наконечниками стрел скифского типа, которые А. Н. Бернштам справедливо относил к V—III вв. до н. э. Таким образом, к 1954 г. в Фергане в четырех пунктах были известны отдельные погребения эйлтанского периода.

Кардинальные изменения в изучении этих памятников произошли в 1954 г., когда Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова открыли и начали раскопки Актамского могильника в южной Фергане⁴. Массовое вскрытие курганов в могильниках Актамского типа дало обширные материалы для характеристики разных сторон культуры населения эпохи раннего железа, и прежде всего особенностей погребального обряда, а также для датировки их и эйлтанской культуры в целом. Наибольший вклад в изучение этих могильников внесла Н. Г. Горбунова⁵, которая продолжает исследования и в настоящее время⁶.

С 1967 г. крупномасштабные работы на обширном могильнике Дашти-Ашт у селения Ашт в северо-западной Фергане проводит Е. Д. Салтовская⁷.

Первый могильник рассматриваемого времени в новом районе — в юго-западной Фергане исследовала в 1981 г. Г. А. Брыкина⁸, которая вскрыла 6 курганов.

В последние годы автор статьи также занимался изучением аналогичных могильников в Восточной Фергане. Приводим описание двух новых памятников.

В 1973 г. на Ашкалтепе — поселении чустской культуры обнаружено необычное погребение. Это поселение расположено на левом берегу р. Кара-Дарья, примерно в 5 км к северо-востоку от Дальверзина — «столичного» центра древнеземледельческой чустской культуры Ферганы. В северо-западной части Ашкалтепе среди могил современного кладбища заложен небольшой шурф для изучения стратиграфии слоев. На глубине 1,1 м от поверхности (общая толщина культурного слоя в шурфе — 1,8 м) оказалось захоронение. Костяк сильно разрушен. Обряд погребения вытянуто на спине, головой на запад с небольшим отклонением к югу. Справа у плеча и выше костяка на 0,4—0,5 м, очевидно, на какой-то приступке стояли кувшин и чаша. Горловина кувшина прикрыта камнем. Никаких иных вещей около погребенного не было. Контуры могильной ямы в мягком песчано-золистом грунте проследить не удалось. Выше и ниже костяка залегал культурный слой с чустской керамикой. Никаких следов более позднего слоя, с которыми можно было бы связать погребение, в шурфе не выявлено, и, следовательно, это погребение было впускным.

Дата захоронения устанавливается по найденным станковым сосудам, резко отличающимся от комплекса лепной чустской керамики. Чаша плоскодонная со слегка отогнутым краем⁹, кувшин с небольшим плоским дном и небольшой горловиной, оба предмета покрыты беловатым ангобом. По фактуре, отделке и по форме эти сосуды тождественны станковой керамике городища Эйлтан и могильников Актамской группы, хотя надо заметить, что такая форма кувшинов в могильниках встречается редко.

Сходство станковой эйлтанской керамики, а также основных особенностей погребального обряда — положение костяка вытянуто на спине, западная ориентация, положение сосудов обязательно справа у пле-

ча, часто на уступе-полочке — все это позволяет отнести открытое на Ашкалтепе погребение к кругу Актамских памятников VI, V—III вв. до н. э. Последнее, видимо, не является единственным.

Погребение впущено в культурные слои эпохи поздней бронзы. Известно, что на большинстве чустских поселений отсутствуют слои последующего периода раннего железа (эйлатанской культуры). Обнаружение впускного захоронения позволяет сделать важное заключение об относительной хронологии чустской и эйлатанской культур, так как очевидно, что поселение чустской культуры хотя бы частично было заброшено к моменту захоронения.

Из всего сказанного следует, что на Ашкалтепе открыт новый пункт захоронения эйлатанского периода, сходный с Актамским комплексом. От последнего Ашкалтепе находится в 100 км к северо-востоку (по прямой), и, следовательно, ареал их значительно расширяется. Среди них погребение на Ашкалтепе выделяется особо, так как представляет новый тип захоронений, ранее неизвестный, — впускное захоронение на развалинах более раннего поселения чустской культуры.

Второй памятник — могильник Озгор II находится в Ошском оазисе¹⁰. Он располагается на высокой террасе левого берега р. Ак-Буура, в 12 км южнее г. Ош. На небольшом участке адыра разбросано без системы 25 невысоких курганных насыпей. Раскопки производились в 1979, 1980 и 1982 гг. Вскрыто 19 курганов. Приведем описание наиболее типичных из них.

Курган 3. Располагается на краю береговой террасы. Овальная насыпь с единичными камнями на поверхности (размером 8×6,5 м), высота около 50 см. В центре на уровне древней поверхности обнаружена каменная выкладка 2×1 м. Рядом находились станковая чаша и обломки лепного кувшина с петлевидной ручкой — возможно, это остатки тризны. Под выкладкой — грунтовая могила (1,8×0,9×0,9 м). На глубине 0,7 м найдены разрушенные останки погребенного, лежавшего на спине, головой на запад. На запястье левой руки — обломки железного браслета. В ногах оказалось много обломков железного предмета, возможно, чекана (?). На разных уровнях могилы нашли очень маленький трехперый бронзовый наконечник стрелы с черешком и обломок железного черешкового наконечника стрелы. В засыпи обнаружен венчик еще одной станковой чаши и фрагменты лепного котла. Всего в могиле было не менее одного лепного и 4 станковых сосуда.

Курган 8. На дневной поверхности обнаружено внутреннее каменное кольцо диаметром 5 м. Оно сложено из нескольких рядов валунов. На расстоянии 1 м от него проходит второе кольцо шириной 0,5 м; общий диаметр кургана составляет около 8 м. В центре находилась могильная яма (1,9×0,8 м), вытянутая по линии запад-восток с отклонением к югу. На глубине 1,2 м обнаружены разрушенные кости человека, лежавшего головой на запад. В могиле найдена костяная подвеска, короткая костяная трубка с отверстием для закрепления, каменная и стеклянная бусины, обломок железного кольца и аналогичного черешкового наконечника стрелы, а также обломок станкового сосуда.

Курган 12. Высота насыпи 0,6 м, диаметр внутреннего кольца — 4,4 м, второго — 1 м, общий диаметр насыпи 7,8 м. С западной стороны внешнего кольца обнаружены обломки большого лепного кувшина асимметричной формы, который удалось полностью реставрировать. Могильная яма (2,1×1,0×2,7 м) вытянута с запада на восток, с отклонением к югу. В могиле останки костяка, станковая чаша и обломок железного ножа (рис. 1).

В Озгор II погребения совершали в неглубоких грунтовых могилах, вытянутых с запада на восток. На уровне дневной поверхности вокруг могилы сооружены две кольцевые выкладки из валунов. Эти наземные выкладки имеют вид простых архитектурных сооружений. Погребенные лежат вытянуто на спине, головой, как правило, на запад, или с не-

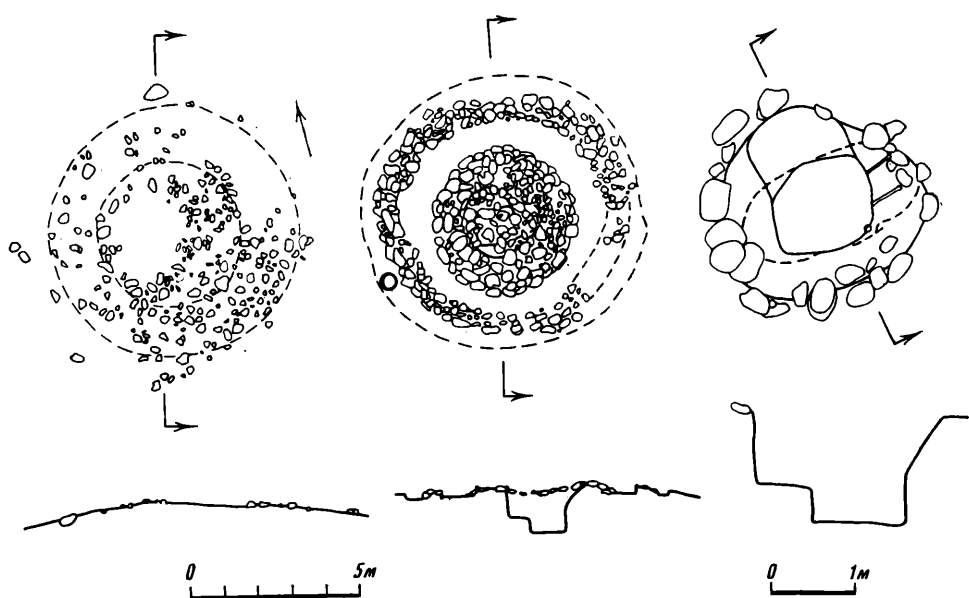

Рис. 1. Могильник Озгор II. Курган 12

большим отклонением к югу. Все могилы ограблены, и до нас дошли лишь разрушенные кости и часть сопроводительного инвентаря.

В мужских погребениях (по составу находок) обнаружены бронзовые и железные наконечники стрел, железные чекан и браслет. В других могилах найдены личные украшения (бронзовый перстень и кольцо, железное кольцо), единичные каменные и стеклянные бусы, а также костяные поделки. Имеющихся данных недостаточно для заключения, что этот инвентарь принадлежит женским захоронениям. В нескольких могилах ничего не найдено.

В большинстве погребений оказались целые сосуды (8 курганов) или же их обломки (6 курганов). Всего в могильнике получено 16 станковых и 11 лепных сосудов (рис. 2). В комплексе Озгора преобладают сосуды, изготовленные на гончарном круге. Так, например, в кургане 9 все 3 сосуда были станковые — два кувшина и чаша. Этими двумя формами и представлены станковые сосуды. Чаши имеются трех разновидностей: 1 — полусферической формы с прямой закраиной; 2 — полусферическая с изогнутой закраиной; 3 — биконической формы, бортик отгибается под тупым углом. На одной из чаш поверхность хорошо заглажена, на другой — видно горизонтальное рифление.

В Озгоре пять станковых кувшинов, которые представлены двумя типами: кувшины шаровидной формы с заглаженной поверхностью и кувшин с горизонтальным рифлением на верхней половине тулова.

Лепные сосуды более разнообразны по форме. Среди них выделяются: 1 — шаровидный горшок с небольшой резко отогнутой горловиной и двумя петлевидными ручками на плечиках; 2 — кувшин грушевидной асимметричной формы с уплощенным дном; 3 — кувшин с асимметрично раздутым туловищем, большим дном и узкой горловиной; 4 — грушевидный кувшин с двумя петлевидными ручками на горловине; 5 — кувшин шаровидной формы с одной (возможно, было две) ручкой на плечиках; 6 — миниатюрный шаровидный горшок с резко отогнутой горловиной.

На нескольких обломках лепных сосудов хорошо заметны отпечатки ткани.

В шести курганах обнаружены железные предметы, в трех из них — вместе с бронзовыми изделиями.

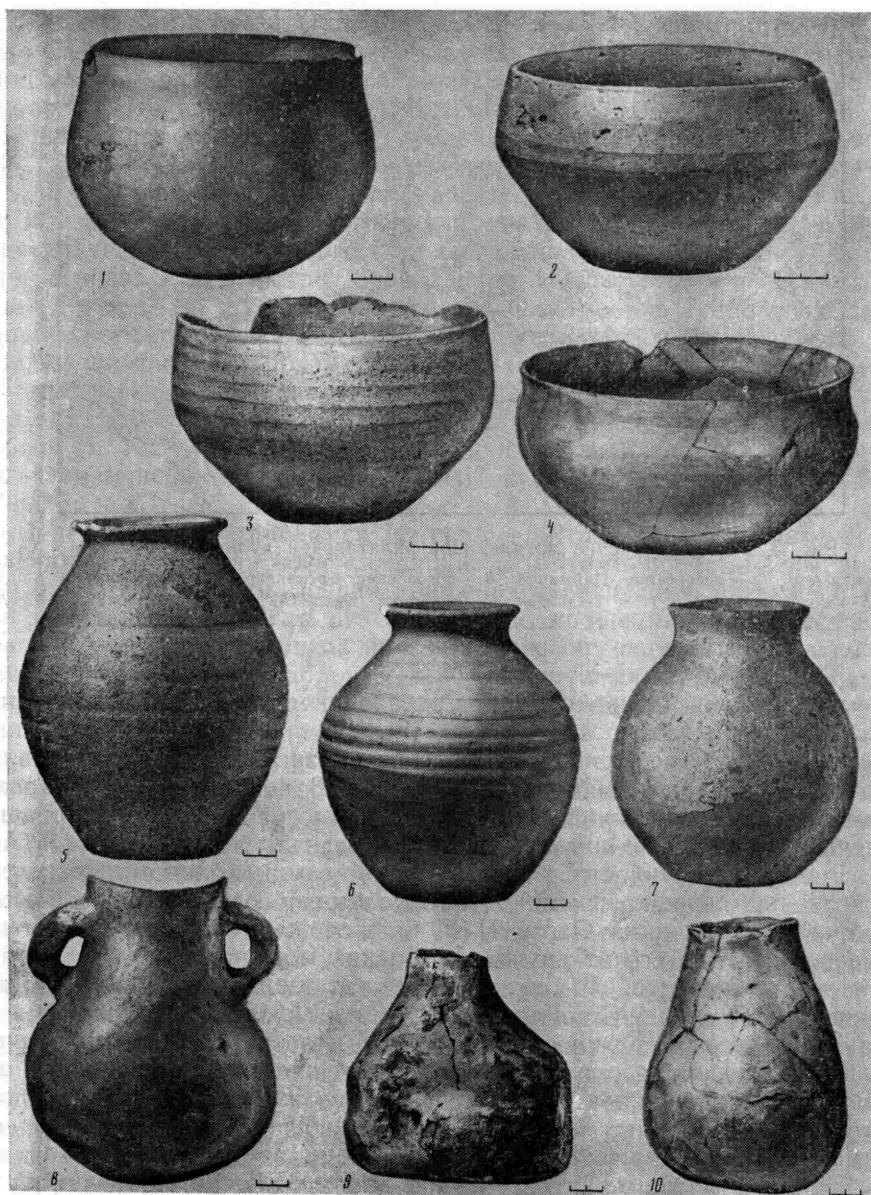

Рис. 2. Могильник Озгор II

Станковая посуда: 1 — курган 1; 2, 7 — курган 9; 3 — курган 12; 4, 5 — курган 7; 6 — курган 3; лепная: 8 — курган 5; 9 — курган 12; 10 — курган 10

Устройство погребальных сооружений, погребальный обряд (каменные кольца вокруг простой грунтовой могилы, ориентация) и состав инвентаря могильника Озгор II — все это позволяет сопоставить его с могильниками Актамской группы, исследованными в южной Фергане. По конструкции каменных колец наибольшее сходство отмечается с могильниками Кунгай и Суфан¹¹. Особенности кладки были отмечены еще Н. Г. Горбуновой, но наличие двух четких колец удалось выявить только на Озгоре.

Станковые сосуды этого могильника относятся к эйлатанскому типу и одинаковы со станковой посудой Актамских могильников. Это касается прежде всего чаш. Многочисленные станковые кувшины из могильника Озгор в самом Актаме отсутствуют, в других памятниках

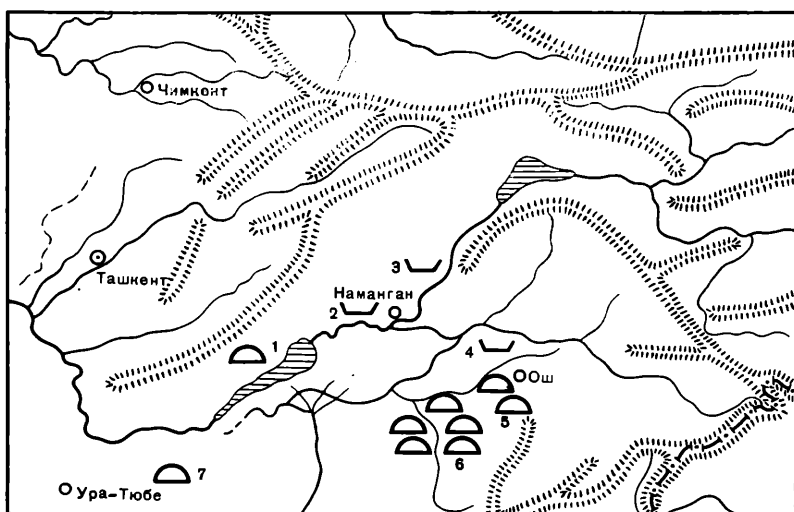

Рис. 3. Распространение могильников эйлатанской культуры Ферганы

1 — Дашти-Ашт; 2 — погребение Найманча; 3 — погребение Касканьяр; 4 — погребение в Ашкалтепе; 5 — могильник Озгор II и Тюлейкен; 6 — основная группа Актамских могильников; 7 — Андархан

встречаются очень редко. Эти кувшины сходны с находками погребения Ашкалтепе.

Формы лепной керамики Озгора своеобразны и не находят аналогий в опубликованных материалах Актама. В последнем преобладали формы чаш, мисок и простых горшков. В Озгоре совсем не найдено крашенных и расписных сосудов, столь специфичных для комплекса Актама. Все эти особенности, к которым добавим находки в двух могилах железных черешковых наконечников стрел, составляют локальное своеобразие могильника Озгор II и, быть может, отражают и хронологическое отличие его от других Актамских могильников.

На левом берегу р. Ак-Бууры на первой террасе, недалеко от могильника Озгор найдены обломки керамики, сходной с находками в могилах. По всей вероятности, здесь находилось селище, синхронное могильнику Озгор II эпохи раннего железа. Подобные памятники около аналогичных могильников в Фергане пока не известны. К сожалению, во время ирригационных работ этот участок берега разрушен, и здесь невозможно провести раскопки.

Суммируя имеющиеся в литературе данные, можно заключить, что в настоящее время количество известных могильников эйлатанской культуры по сравнению с 1954 г. увеличилось в 5 раз. В 20 памятниках изучено примерно 250 могил, которые дают достаточно полное представление об особенностях погребального обряда и материальной культуры населения Ферганы эпохи раннего железа. Длительное время считали, что эти могильники располагаются только в юго-восточной части Ферганы, не учитывая, что первые захоронения с эйлатанской керамикой открыты Т. Г. Оболдуевой в северной Фергане. Затем они были обнаружены в северо-западной, восточной и юго-западной частях долины. Картографирование показывает, что рассматриваемые памятники выявлены в семи основных районах (рис. 3): 1 — в северо-западной Фергане — около сел. Ашт; 2 — в северной Фергане — на побережье Сыр-Дарьи, к западу от р. Касан-Сай (Найманча на СФК); 3 — в северной Фергане — на правом берегу р. Нарын (Касканьяр на СФК); 4 — в восточной Фергане — на Ашкалтепе; 5 — в юго-восточной Фергане — в Ошском оазисе (Тюлейкен, Озгор II); 6 — в центральной части южной Ферганы — основная группа Актамских могильников; 7 — в юго-западной Фергане — в долине р. Ходжа-Бакырган (Андархан).

Погребальные памятники, так же как и эйлатанские поселения, широко распространены, и это указывает на обживание в эйлатанский период всей территории Ферганы. Совсем иначе и неточно охарактеризован ареал этих памятников Г. А. Брыкиной¹².

Первоначально Актамский могильник был датирован V—III вв. до н. э.¹³ и V—IV вв. до н. э.¹⁴, затем появилась дата VI—IV(III) вв. до н. э.¹⁵, а в настоящее время их относят к VI—III вв. до н. э.¹⁶ С этой датой вполне можно согласиться, учитывая, что могильники в силу консервативности погребального обряда могли сохранить в III в. до н. э. свои особенности и после прекращения существования эйлатанской культуры в IV в. до н. э. Попытка распространить хронологию погребальных памятников на всю эйлатанскую культуру в работах Н. Г. Горбуновой не аргументирована. Нет также никаких оснований согласиться с изменением верхней грани эйлатанской культуры с IV на II в. до н. э., как предложила Т. Г. Оболдуева¹⁷. Она ссылается при этом на работу Н. Г. Горбуновой¹⁸. Однако в последней нет доказательств в пользу изменения традиционной даты культуры Эйлатана (VII, VI—IV вв. до н. э.).

В этой связи остановимся на сравнении комплекса керамики могильников и Эйлатанского городища. В Актаме представлены сосуды четырех групп: лепная, лепная крашенная и расписная, а также станковая эйлатанская. Лепная без окраски и крашенная буро-красноватой краской посуда могильников по форме, способу изготовления и по применению матерчатого шаблона сходна с находками на Эйлатане. Однако формы сосудов из поселения более разнообразны, в частности по профилировке сосудов. Малочисленность образцов расписной керамики Эйлатана не позволяет сравнивать ее в деталях с сосудами из могильников, хотя можно говорить об общем сходстве. Станковая посуда могильников и поселения идентична. Она является продукцией ремесленных центров Ферганы. Станковая посуда Эйлатана также более разнообразна. На поселении имеется кухонная посуда и бытовая (II тип), которая отсутствует в комплексе могильников. Из сравнения вытекает следующее заключение: во-первых, о полном сходстве лепной, крашенной и станковой посуды, во-вторых, о большем разнообразии комплекса керамики Эйлатана и, в-третьих, об однородности этих комплексов, несмотря на своеобразие керамики Актама (многочисленность расписных сосудов, ограниченный набор форм), которое объясняется, видимо, требованиями погребального ритуала¹⁹. Для датировки чрезвычайно важно, что станковая эйлатанская посуда нигде не встречена вместе со станковой красноангобированной. Утверждение о находках красноангобированных сосудов в могильнике Андархан является грубой ошибкой²⁰.

Обряд погребения вытянуто на спине с западной ориентацией уже засвидетельствован на Дальверзинском поселении чустской культуры и был, очевидно, характерен для местных земледельческих племен. На основании сходства погребального обряда и инвентаря, главным образом керамики, можно считать рассмотренные могильники с эйлатанской керамикой погребальными памятниками оседло-земледельческого населения Ферганы эпохи раннего железа. Однако относительно этнической принадлежности их и населения Эйлатанской культуры в целом существуют разные мнения.

Еще в 1952 г. А. Н. Бернштам высказал предположение о том, что в Фергане обитали сакские племена. Затем его поддержал Б. А. Литвинский²¹. В 1961 г. в автореферате, приводя предположение А. Н. Бернштама, Н. Г. Горбунова заняла осторожную позицию: «Вопрос об обитании саков на территории Ферганы сейчас не может быть решен ввиду неясности и неточности сведений, сообщаемых письменными источниками»²². В дальнейшем она, не приведя объяснений, резко меняет свои суждения, и в ее работах появляются утверждения, что вся Ферганская долина к востоку от р. Ходжа-Бакырган заселена саками²³, и о том, что население Ферганы древнего периода относилось к кругу сакских пле-

мен, которые и создали Даваньское государство²⁴. Наиболее крайнюю точку зрения высказал Б. А. Литвинский, считая, что поселение Эйлатан принадлежало сакам. Далее он пишет, что в Фергане обитали различные группы сакского населения: кочевники (Алайская долина, предгорья Кураминского хребта и пр.), полукочевники и оседлые жители. И все они якобы входили в обширную конфедерацию «саков-хаумаварга». Затем он утверждает, что вторжение селевкидов в III в. до н. э. «должно было привести к перемещению в Фергану кочевых сакских племен, за которым последовало исчезновение актамского погребального обряда²⁵. Все эти предположения являются просто спекулятивными измышлениями, не обоснованными реальными фактами.

В действительности Фергану в эпоху раннего железа населяли земледельческие племена, ферганцы.— прямые потомки племен чустской культуры эпохи поздней бронзы, а на ее окраинах — скотоводы (кочевники и полукочевники) сакского происхождения, унаследовавшие культурные традиции степной бронзы. Нет никаких оснований считать земледельческое население Ферганы саками, а Эйлатан — сакским памятником. Необходимо учитывать преемственное развитие земледельческой культуры с расписной керамикой на протяжении всего I тысячелетия до н. э. Основу населения оседло-земледельческого государства Давань (II—I вв. до н. э.) составляли именно земледельческие племена — прямые потомки населения эпохи раннего железа.

Предположение о саках в Фергане основано на неопределенном письменном сообщении о «саках, которые за Согдом» (ср. приведенные выше слова Н. Г. Горбуновой). Оно опирается также на сходство устройства погребальных сооружений и погребального обряда могильников эйлатанской культуры с синхронными памятниками кочевников Семиречья и Тянь-Шаня. Факт определенного сходства не вызывает сомнения, но происхождение его можно объяснять по-разному. Кстати, обычно обращали внимание на близость актамских могильников сако-усуньским памятникам и не замечали принципиального различия между ними. В Ферганских могильниках полностью отсутствуют находки изделий скифского звериного стиля, ограничен набор предметов вооружения, представленных лишь несколькими наконечниками стрел, и совсем нет предметов конского снаряжения, т. е. отсутствуют специфические изделия скифской триады. Они отличаются также наличием необычных длинных курганов и некоторыми другими особенностями. Следовательно, о полном сходстве, идентичности погребальных памятников земледельцев Ферганы и кочевников-саков говорить не приходится, и поэтому нельзя считать их памятниками саков. Вопрос о происхождении погребальных сооружений эпохи раннего железа в Фергане еще не решен окончательно. Но при настоящем уровне наших знаний ясно одно, что появление указанного сходства, несомненно, объясняется культурным влиянием соседних племен степной бронзы и более поздних — сакских племен, поскольку в предшествующий период чустской культуры нам неизвестны курганные захоронения и вообще обособленные кладбища. Не исключена также возможность оседания какой-то части сакских племен и вхождение их в состав земледельческого населения Ферганы.

¹ *Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954; Он же. Итоговая таблица периодизации культуры Ферганы//Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии (периода поздней бронзы и железа): Материалы второго совещ. археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л., 1959; Он же. Городище Эйлатан//СА. 1960. № 3.*

² *Оболдуева Т. Г. Археологические наблюдения на Северном Ферганском ка-*

нале//Изв. УзФАН СССР. 1940. № 10.

³ *Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая//МИА. 1952. № 26.*

⁴ *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Актамский могильник//КСИИМК. 1957. Вып. 69.*

⁵ *Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1961; Она же. К истории Ферганы в эпоху раннего железа//СА. 1962. № 4.*

- ⁶ Горбунова Н. Г. Раскопки курганов в Ферганской области//УСА. 1975. Вып. 3.
- ⁷ Салтовская Е. Д. Некоторые новые материалы о «ферганских кочевниках»// Там же; Она же. О погребениях ранних скотоводов в северо-западной Фергане//КСИА. 1978. Вып. 154.
- ⁸ Брыкина Г. А. Новый могильник в юго-западной Фергане//КСИА. 1983. Вып. 176.
- ⁹ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы// МИА. 1962. № 118. С. 44.
- ¹⁰ Заднепровский Ю. А. Основные этапы истории Ошского оазиса//КСИА. 1983. Вып. 176. С. 55.
- ¹¹ Горбунова Н. Г. Кунгайский могильник//АСГЭ. Л., 1961. Вып. 3; Она же. Суфанский могильник//АСГЭ. Л., 1969. Вып. 11.
- ¹² Брыкина Г. А. Новый могильник ... С. 109.
- ¹³ Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Актамский могильник. С. 88.
- ¹⁴ Горбунова Н. Г. К истории Ферганы ... С. 38.
- ¹⁵ Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа//АСГЭ. Л., 1962. Вып. 5. С. 105.
- ¹⁶ Горбунова Н. Г. Раскопки курганов ... С. 29.
- ¹⁷ Оболдуева Т. Г. О датировке стен Эйлатана//СА. 1981. № 4. С. 194.
- ¹⁸ Горбунова Н. Г. Итоги исследования археологических памятников Ферганской области//СА. 1979. № 3. С. 23.
- ¹⁹ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура... С. 167.
- ²⁰ Брыкина Г. А. Новый могильник ... С. 106—108.
- ²¹ Литвинский Б. А. Саки, которые за Согдом//Тр. АН ТаджССР. 1960. № 120.
- ²² Горбунова Н. Г. Культура Ферганы ... С. 16.
- ²³ Горбунова Н. Г. Фергана по сведениям античных авторов//История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 29.
- ²⁴ Горбунова Н. Г. Основные этапы развития культуры древней Ферганы//Информ. бюл. МАИКА. М., 1983. Вып. 5. С. 38.
- ²⁵ Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы//История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 53, 55.

В. А. ЗАВЬЯЛОВ, В. А. ГАЛИБИН

БРОНЗОВАЯ ПОСУДА ПОЗДНЕКУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЗАРТЕПЕ

В последнее десятилетие в печати появилось несколько статей, касающихся технологических аспектов исследования изделий из бронзы, происходящих с территории Бактрии-Тохаристана¹. В этой связи дополнительные данные представляют материалы городища Зартепе, расположенного в 26 км к северо-западу от Термеза, областного центра Узбекской ССР. Здесь с 1975 г. исследуются два верхних строительных горизонта остатков жилого квартала на раскопе 6². В процессе раскопок в разные годы обнаружено 8 бронзовых предметов, функционально объединенных в группу посуды. В ее числе прежде всего обращает на себя внимание серия из трех практически целых черпаков-киафов и фрагмента венчика резервуара четвертого. Все они найдены в постройках I строительного горизонта в заполнении под уровнем первого пола помещений 122 (рис. 1, 4), 46 (рис. 1, 1) и на уровне первого пола помещений 84 (рис. 1, 3), 94 (рис. 1, 2).

Наиболее хорошо сохранившиеся экземпляры черпаков свидетельствуют о том, что все они скорее всего относятся к одному типу, характеризующемуся полусферическим резервуаром со слегка загнутым внутрь утолщенным венчиком и отходящей от него вверх длинной ручкой, уплощенной в нижней трети и круглой в сечении в остальной своей части. Верхний конец ее загнут в кольцо. Как правило, ручка слегка наклонена вперед по отношению к оси резервуара.

Размеры киафа из помещения 46: высота — 27,2 см, высота резервуара — 5,2 см, наружный диаметр резервуара — 6,6 см. Верхний конец ручки загнут, но не образует полного кольца. Размеры киафа помещения 94: высота резервуара — 4,6 см, наружный диаметр резервуара —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

209

**АРХЕОЛОГИЯ
СРЕДНЕЙ АЗИИ,
СИБИРИ
И КАВКАЗА**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С РИМСКО-ГЕРМАНСКИМ ЦЕНТРАЛЬНЫМ МУЗЕЕМ,
МАЙНЦ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

209

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
СИБИРИ И КAVKAZA

МОСКВА «НАУКА» 1993

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
ДРЕВНЕЙ ФЕРГАНЫ

В 1986 г. в Оксфорде в известной международной серии BAR на английском языке вышла книга Н. Г. Горбуновой «Культура древней Ферганы, VI в. до н. э.—VI в. н. э.»¹. В ней суммированы опубликованные автором статьи в СА и АСГЭ, поэтому исследование является обобщением итогов археологического изучения древней Ферганы за большой период времени. В книгу включены также тексты двух статей, в которых изложены точки зрения автора по наиболее важным вопросам. Первая — «Основные этапы развития культуры древней Ферганы»², вторая — «Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы»³. Данные исследования дополняют друг друга и дают определенное представление об основных этапах культуры и особенностях исторического процесса в этой крупной историко-культурной области Средней Азии, начиная с первой земледельческой культуры эпохи поздней бронзы. В них в краткой форме подведены итоги изучения Ферганы почти двухтысячелетнего периода. Убедительно показана самобытность ферганских культур и рассмотрен ряд узловых вопросов, и прежде всего проблемы происхождения культур и культурные связи. В статьях обобщены итоги многолетних исследований Н. Г. Горбуновой, которые внесли существенный вклад в развитие ферганской археологии, особенно эпохи железа. Следует отметить, что почти 20 лет тому назад Н. Г. Горбунова начала пересмотр существовавших в литературе положений о датировке мархаматского периода — времени бытования красноангобированной керамики, который различными учеными датируется и называется по-разному, а также хронологии шурабашатской культуры и некоторых других вопросов.

Первый опыт систематизации и исследования вопросов хронологии и периодизации памятников древней Ферганы почти в тех же хронологических границах VII—VI вв. до н. э. и до VI—VII вв. н. э. осуществил автор этих строк в диссертационной работе «Древняя Фергана»⁴ (не опубликована). При этом было выделено три периода (три археологические культуры): эйлатанский — VII—VI—IV вв. до н. э., мархаматский — III—II вв. до н. э.—III в. н. э., касанский — III—VI—VII вв. н. э. В последующих работах⁵ изложены точки зрения, которые во многом расходятся с положениями Н. Г. Горбуновой. Таким образом, в фергановедении сложились и параллельно развиваются по крайней мере два направления с разными и порой взаимно исключающими точками зрения.

Основу обеих статей Н. Г. Горбуновой составляет одна и та же⁶ графическая периодизация культуры Ферганы на три периода. Последний период, в свою очередь, разделен на три этапа, и всего, следовательно, выделено пять периодов, охватывающих почти два тысячелетия истории края. Разработка хронологической классификации материалов и периодизации истории культуры — итог многолетней работы как самой Н. Г. Горбуновой, так и других исследователей Ферганы, материалы которых она использует. Создание таблицы является большой заслугой Н. Г. Горбуновой, ибо это первый опыт подобного обобщения за последние 25 лет. Однако отметим, что в отличие от аналогичных таблиц по Фергане, опубликованных А. Н. Бернштамом в 1952 г. и Ю. А. Заднепровским в 1959 г.⁷, в которых представлены ведущие типы поселений и могил, а также материальная культура, в рассматриваемой периодизации имеются только типичные формы материальной культуры. Такое ограничение, несомненно,

снижает ее значение в целом. К тому же Н. Г. Горбунова не рассмотрела и не учла опыт составления других периодизаций и даже не упоминает о них.

Рассмотрим содержание таблиц по периодам. Первый период — эпоха бронзы (XI—X(?)—VIII—VII вв. до н. э.) — состоит из двух синхронных культур: чустской и кайраккумской или степной культур (термин культура степного типа или скотоводческая степного типа явно неудачен). В разделе «Чустская культура» все представленные материалы происходят из раскопок автора этих строк на Дальверзине и Ашкал-теп. Из всей совокупности вопросов, разрабатываемых на материалах чустской культуры, Н. Г. Горбунова останавливается на следующих трех.

Первый вопрос — о синхронизации чустской культуры и культуры степных племен. Следует сразу оговориться, что для его решения в нашем распоряжении недостаточно данных. Рассматриваемые памятники количественно несопоставимы. Ныне известно более 80 чустских поселений, около 500 тыс. фрагментов керамики, в том числе 6000 — украшенных росписью, сотни целых сосудов, более 20 литейных форм, 160 металлических предметов и тысячи изделий из камня и бронзы. Вторая культура представлена развешенными стоянками на Кайрак-Кумах и двумя-тремя десятками разграбленных могил и некоторым количеством случайных находок; основная часть всех этих материалов и показана в таблице. По сравнению с тем, чем оперировал в 1962 г. Б. А. Литвинский⁸, нового появилось немного, что затрудняет создание относительной хронологии этих культур Ферганы. Б. А. Литвинский в кайраккумском комплексе выделил два этапа, которые охватывают вторую половину II тысячелетия — начало I тысячелетия до н. э., при этом он сопоставлял с чустскими памятниками только материалы второго, позднего этапа⁹. Однако у Н. Г. Горбуновой в таблице представлены материалы двух этапов: металлические изделия, характерные для раннего этапа, и находки в Вадильском могильнике X—VIII вв. до н. э. Следовательно, в таблицу включены предметы значительно более ранние, чем материалы чустской культуры. Учитывая все сказанное, в настоящее время можно только теоретически синхронизировать чустскую культуру и то лишь с поздним этапом развития степных племен.

Второй дискуссионный вопрос — это происхождение обеих культур. Н. Г. Горбунова рассматривает лишь генезис чустской культуры и говорит о двух основных точках зрения: о ее местном происхождении и ее сложении в результате перехода степных племен к земледелию. Третья точка зрения — появление в результате миграции — даже не упомянута. Кроме того, исследовательница четко не определяет своей позиции, но, скорее всего, она является сторонником первой точки зрения — об автохтонности чустской культуры. В статье 1983 г. говорится, что, возможно, обе культуры имеют местные корни. В более поздней работе Горбунова пишет: «Кажется более вероятным, что первичной в Фергане была земледельческая культура круга расписной и крашеной керамики»¹⁰. Но поскольку прямых доказательств нет, она ссылается на благоприятные природные условия Ферганы и общеизвестные случайные единичные находки южного происхождения. Учитывая отсутствие памятников предшествующего периода, можно только сугубо предположительно говорить о существовании дочустского периода¹¹.

Далее Н. Г. Горбунова высказывает предположение о переселении части южных племен в Фергану, основываясь на факте сходства антропологического типа населения. Последнее, однако, не представляется возможным, поскольку известно, что европеоидный средиземноморский тип, характерный для земледельческих общин юга Средней Азии с поры неолита, распространен не только у чустских племен, но также у степных племен Средней Азии (Заман-баба

и Ургут)¹², а также у скотоводов Южного Таджикистана эпохи поздней бронзы¹³ и даже у андроновцев Западного Казахстана (Тасты-Бутак и Хабарное)¹⁴.

Таким образом, в пользу автохтонного происхождения чустской земледельческой культуры реальных доказательств не приведено. Естественно, учитывая недавнее открытие уникального Саразма около Пенджикента, нельзя исключать возможность обнаружения в будущем и в Фергане более древних земледельческих памятников.

Вторая точка зрения (наиболее полно разработанная автором этих строк), в статье не раскрыта, поэтому остановимся на ней подробнее. Степные племена в северной половине Средней Азии обитали по крайней мере уже во второй половине II тыс. до н. э. Они занимали обширные пространства Средней Азии и составляли, видимо, основную массу населения Ферганы. Эти племена владели навыками скотоводства и даже примитивного орошения (в Приаралье), домостроительства (землянки), металлургии и гончарства. Все это создало благоприятные предпосылки для перехода от комплексного пастушеско-земледельческого хозяйства под влиянием южных общин и населения Восточного Туркестана к прочной оседлости и интенсивной форме земледелия. Такой переход сопровождался изменениями культуры и быта. Предположение о происхождении чустской культуры в ходе трансформации не противоречит имеющимся материалам. Одним словом, о происхождении чустской культуры в рассматриваемых работах ничего нового нет.

Третий вопрос — о культурных связях и взаимовлиянии обеих культур затронут в общей форме, поскольку отсутствует новый, свежий материал. Некоторые же факты, например находки керамики обеих культур в могильнике Ташкурган, требуют оговорок, так как условия их попадания в могилу недостаточно понятны. Общее заключение о сосуществовании в Фергане племен разного этнографического облика культуры, хозяйства и быта не вызывает сомнения. Первым это отметил в 1949 г. А. Н. Бернштам¹⁵. Подробно писали об этом М. П. Грязнов¹⁶ и другие археологи.

Второй этап — «эйлатано-актамская культура VI—III вв. до н. э.». В работе 1983 г. Н. Г. Горбуновой указана дата VII—III вв. до н. э.¹⁷ Эйлатанский период и культура VII—IV вв. до н. э. выделены автором этих строк в 1954 г. на основе анализа материалов из поселений и известных к тому времени могильников. Это удалось сделать после повторных раскопок на Эйлатане в 1952 г. автора под общим руководством А. Н. Бернштама. Полученные данные позволили пересмотреть заниженную датировку Эйлатана Б. А. Латынина, который открыл этот памятник в 1934 г. Введение нового — двухчленного наименования культуры, как увидим, неоправданно. Но прежде всего надо сказать о хронологии. Актамский могильник исследователи в начале относили к V—III и V—IV вв. до н. э., а ныне он датируется VI—III вв. до н. э. Верхнюю грань даты можно принять с учетом того, что традиция погребального обряда могла сохраниться и в III в., после прекращения существования эйлатанской культуры. Однако для еще большего омоложения — до III—II вв. до н. э., как считает Т. Г. Оболдуева¹⁸, нет решительно никаких оснований. Нижняя грань датировки не VII—VI вв., как указывает Н. Г. Горбунова, а рубеж VIII—VII вв. до н. э. По сути дела, Н. Г. Горбунова распространяет датировку могильников на всю культуру и весь период. Правомерность такого переноса нужно еще доказать. В этой же связи нельзя согласиться и с заключением, что само городище Эйлатан является наиболее поздним памятником данной культуры¹⁹.

Принципиальное возражение вызывает утверждение автора, что если в предшествующий период в Фергане были две культуры, то для эйлатанского периода «известна лишь одна». В действительности же в указанное время

наряду с земледельцами на окраинах Ферганы обитали кочевые сакские племена. Их памятники изучены в долинах Кетмень-Тюбе и Алая, а также в Восточной Фергане. По сообщениям письменных источников именно саки остановили войска ахеменидского Ирана и позднее Александра Македонского у самых границ Ферганы. И если в равнинной части не известны сакские могильники, то, очевидно, только потому, что кочевое население там не обитало, а занимало горные долины на окраинах области.

Говоря об одной культуре, Н. Г. Горбунова основывается на априорном предположении о проникновении в Фергану сакских племен, которые здесь быстро перешли к оседлости и земледелию, в результате чего произошла нивелировка культуры²⁰. Но, во-первых, не все саки переселились в Фергану, а во-вторых, принадлежность могильников эйлатанского периода сакам еще необходимо доказать. До сих пор не определены критерии для разграничения этих фергенских могильников от памятников кочевых саков. Главное внимание обращалось на черты сходства. Однако в эйлатанских могильниках отсутствуют изделия сакского звериного стиля, мало оружия и совсем нет предметов конской упряжи. Они отличаются наличием необычных «длинных курганов». Так что вопросы происхождения погребальных обрядов и конструкции могил эйлатанской культуры требуют дополнительного изучения.

Из заключения о единой культуре вытекает, что Н. Г. Горбунова считает могилы памятниками оседло-земледельческого населения. Получается, что одни и те же могильники принадлежат кочевникам — сакам и земледельцам. Но если это памятники саков, то о каком единстве культуры может быть речь? Это две культуры двух разных этносов. А если это памятники земледельцев, то зачем двучленное наименование культуры?

Кстати о количестве памятников. Автор утверждает: «Поселений известно немного, значительно больше известно могильников»²¹. Но конкретные цифры не приводятся.

Однако действительное положение совсем иное. Автором этих строк учтено более 20 поселений и почти столько же могильников, т. е. количество их примерно одинаково. Другое дело, что поселения изучены меньше, ибо эйлатанские слои залегают на большой глубине, и они представлены главным образом находками керамики. В настоящее время уже нельзя говорить об единственном поселении — Эйлатане. В последние годы таджикские археологи исследуют возле Ура-Тюбе городище эйлатанского времени Нур-Тева с эйлатанской керамикой²². Нет оснований предполагать²³ сокращение числа поселений в эйлатанский период. Наоборот, анализ картографирования указанных памятников свидетельствует о более широком заселении всех частей Ферганы, нежели в чустский период.

Процесс сложения эйлатанской культуры излагается автором как механическое взаимодействие трех основных и как бы равнозначных компонентов: 1) генетических традиций чустской культуры, 2) юго-западных связей, 3) общих черт с культурой ранних кочевников²⁴.

Однако от чустской культуры эйлатанцы унаследовали не только обычай изготовления лепной расписной посуды и обряд погребения в грунтовых могильниках, а значительно большее и главное — навыки и технику земледелия и скотоводства, домостроительства и фортификации, гончарства, а также, вероятно, и других производств. Население эйлатанского периода — прямые потомки чустских земледельческих общин. И поэтому нельзя согласиться с априорным суждением об их принадлежности к кругу сакских племен²⁵. Это были ферганцы, составлявшие в то время уже, очевидно, самостоятельную народность, такую же как хорезмийцы, согдийцы, бактрийцы, и принадлежавшие к единой восточноиранской группе.

Автор преувеличивает общность культуры ферганских земледельцев и соседних ранних кочевников, а также роль последних в генезисе эйлатанской культуры. Эта общность относительная и ограничивается только элементами погребального обряда.

Еще меньше роль юго-западных связей, которые способствовали появлению в Фергане только гончарного круга и соответствующей технологии.

Как видим, заключение Н. Г. Горбуновой о путях сложения особенностей культуры Ферганы поры раннего железа по меньшей мере спорно. Отмечая преемственность развития земледельческого населения и возможность воздействия степных племен и их потомков — ранних кочевников на формирование эйлатанской культуры, нельзя не обратить внимание на то, что произошла резкая смена традиций и культур, что изменения охватили широкий круг явлений, которые совершались не постепенно (промежуточные явления и формы отсутствуют), а скачкообразно.

Третий этап — «кугайско-карабулакская культура» охватывает девять столетий, со II в. до н. э. по VII в. н. э. Новое двучленное наименование — это уже, видимо, десятое название периода бытования в Фергане красноангобированной керамики. Хронология ее и прежде всего время появления здесь этой керамики надежно не определены и являются предметом острой дискуссии.

Наибольшее возражение вызывает датировка раннего этапа II в. до н. э. — I в. н. э. Удивляют малочисленность материалов и субъективный отбор типичных памятников. Прежде всего не понятно, почему не представлен комплекс находок из могильника и городища Кайноват, где найдена единственная в Фергане датирующая находка — монета, варварское подражание Гелиокла, на основании чего эти материалы датированы II—I вв. до н. э.²⁶ Отсутствуют находки Мархаматского городища, которое отождествлено со столицей Даваньского государства II—I вв. до н. э. Только двумя малохарактерными предметами представлен Шурабашат.

На проблеме датировки шурабашатской культуры необходимо остановиться более подробно. Ныне насчитывается более 50 городищ и тепе этой культуры, которые расположены не только в Узгенском, но также в Ош-Карасуйском оазисах. На многих произведены большие раскопки. Шурабашатская керамика найдена также на Мархаматском городище. Вне зависимости от того, представляют ли эти поселения локальный вариант культуры Восточной Ферганы или общеферганское явление, важна их относительная хронология. Шурабашатский комплекс занимает промежуточное положение между эйлатанским и последующим — мархаматским периодом. Если абсолютная дата Шурабашата, предложенная автором этих строк, — IV—I вв. до н. э. может быть уточнена и изменена, то относительная хронология комплекса установлена достаточно надежно. Ее не удалось поколебать даже Н. Г. Горбуновой в специальной статье 1977 г.²⁷ Несмотря на это, в последних работах она омолаживает шурабашатский комплекс примерно на 500 лет, относя его к первым векам нашей эры.

Непоследовательное и субъективное отношение к датировке Шурабашата сказалось на отношении к датировке этого периода как переломного в культуре Ферганы. Во II в. до н. э. в Фергане уже существовало сильное и хорошо организованное Даваньское государство с высокой земледельческой культурой и большим числом городов. Скудость материалов раннего этапа находится в разительном противоречии с высоким уровнем культуры Ферганы II—I вв. до н. э., засвидетельствованным в письменных источниках.

Естественно, что древнеферганское государство возникло не в 125 г. до н. э., когда о нем появились первые известия в ханьских хрониках, а значительно

раньше. Появление его на исторической арене можно связать с начальным этапом шурабашатской культуры²⁸.

В Фергане, особенно для древнего периода (середина I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.), отмечается симбиоз оседло-земледельческого населения и полукочевого (скотоводческого). Однако нельзя говорить о единой культуре и называть ее двучленным наименованием. Это были разные народы по происхождению, культурной и этнической принадлежности, разные по хозяйству, культуре и быту.

В настоящее время в Фергане выделяют пять-шесть основных групп памятников полукочевников или древних скотоводов. Наиболее изучена среди них караулакская культура I—IV вв. н. э. с преобладанием захоронений в подбойных могилах. Многие вопросы, связанные с изучением катакомбных и подбойных памятников, все еще остаются спорными. Достаточно определенно выступает резкое отличие этих памятников от предшествующих — могильников эйлатанской культуры. До сих пор отсутствуют данные о местных корнях катакомбных и подбойных памятников Ферганы. Они явно привнесены пришлым населением. Высказано предположение о принадлежности караулакской культуры племен юечжей²⁹. Однако как бы ни решался в дальнейшем вопрос об ее этнической принадлежности, нельзя объединять караулакскую культуру скотоводов в одно целое с культурой земледельческого населения, ибо это разные этносы и разные культуры. Они должны быть самостоятельными объектами археологического и исторического изучения. Общность их культур относительна и объясняется заимствованием изделий ремесленных центров Ферганы.

Отметим также, что половина находок, изображенных в таблицах, происходит из могильников. Но среди них нет характерных для культур скотоводов, например деревянной посуды, деревянных столиков, глиняных сосудов местного производства и т. п.

Н. Г. Горбунова нечетко формулирует суть противоречивых суждений о происхождении могильников скотоводов: «Все признают их памятниками скотоводов; мнения разделяются по поводу того, пришлое это население или местное»³⁰. Это соответствовало ситуации тридцатилетней давности. Затем С. С. Сорокин высказал парадоксальную гипотезу о сложении скотоводов Ферганы на основе местной земледельческой культуры³¹. Потом появились заключения, что это памятники племен, переходивших к оседлости или даже осевших кочевников. Теперь их безоговорочно связывают с оседлым населением³². Выдвигая двучленное наименование культуры первых веков нашей эры и преувеличивая культурную общность, Н. Г. Горбунова, по сути дела, склоняется к такому же неверному мнению. С ним нельзя согласиться, потому что в Фергане известны погребальные памятники земледельцев первых веков нашей эры — упоминавшийся могильник Кайноват и другие, которые были выделены в отдельную группу еще в 1954 г.³³ Новые материалы опубликовала В. И. Козенкова³⁴, интересные данные получены в наиболее полно изученном могильнике Темир-Коруг, в котором раскопано 87 погребений³⁵.

В результате преувеличения общности культуры земледельцев и скотоводов древнего периода, неопределенности используемых критериев для их разграничения в работах Н. Г. Горбуновой не точно охарактеризованы особенности исторических процессов, и прежде всего историческая этнография Ферганы древнего периода. В данной статье рассмотрены только некоторые спорные вопросы археологии древней Ферганы. Вызывая на дискуссию, автор надеется на уточнение позиций разных сторон и сближение крайних точек зрения в целях содействия дальнейшему развитию знаний о конкретных путях развития древних культур Ферганы.

- ¹ Горбунова Н. Г. The culture of ancient Ferghana, VI century B. C.— VI century A. D. Oxford, 1986.
- ² Горбунова Н. Г. Основные этапы развития культуры древней Ферганы//Информ. бюл. МАИКА. 1983. Вып. 5. С. 34—42.
- ³ Горбунова Н. Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы//АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 99—107.
- ⁴ Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954.
- ⁵ Заднепровский Ю. А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1978; Он же. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960; Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы//МИА. 1962. № 118; Он же. Древняя Фергана//Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985; Он же. Древняя Фергана//История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984. Т. 1.
- ⁶ Различаются они только тем, что в таблице 1983 г. отсутствуют подписи, указывающие происхождение находок, а также тем, что в ней синхронная Чусту культура названа «кайракумская культура», а в другой — «степная культура», в аналогичной таблице в книге 1986 г. она также называется «степная культура».
- ⁷ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая//МИА. 1952. № 26; Заднепровский Ю. А. Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии (периода поздней бронзы и железа)//Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л., 1959.
- ⁸ Литвинский Б. А. Памятники эпохи бронзы и раннего железа//Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962.
- ⁹ Литвинский Б. А. Бронзовый век//История таджикского народа. М., 1963. Т. 1. С. 127.
- ¹⁰ Горбунова Н. Г. Некоторые особенности... С. 99.
- ¹¹ Заднепровский Ю. А. Чустская культура в Ферганской долине//Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 206.
- ¹² Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1973. С. 74—77.
- ¹³ Кияткина Т. П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1976.
- ¹⁴ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология ... С. 94.
- ¹⁵ Бернштам А. Н. Древняя Фергана//ВДИ. 1949. № 1.
- ¹⁶ Грязнов М. П. Бронзовый век//История Киргизии. Фрунзе, 1963. Т. 1.
- ¹⁷ Горбунова Н. Г. Основные этапы ... С. 35.
- ¹⁸ Оболдуева Т. Г. О датировке стен Эйлатана//СА. 1981. № 4.
- ¹⁹ Горбунова Н. Г. Некоторые особенности ... С. 101.
- ²⁰ Там же. С. 102.
- ²¹ Горбунова Н. Г. Основные этапы ... С. 35.
- ²² Беляева Т. В. Об эллинистических элементах в керамике Ходжента//Всесоюз. симпоз. по пробл. эллинистической культуры на Востоке. Ереван, 1980; Негматов Н. Н., Беляева Т. В., Мирбабаев А. К. К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа — Нуртепа//Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). Душанбе, 1982.
- ²³ Горбунова Н. Г. Основные этапы ... С. 35.
- ²⁴ Горбунова Н. Г. Некоторые особенности ... С. 101.
- ²⁵ Там же. С. 102.
- ²⁶ Оболдуева Т. Г. Отчет о работе первого отряда//ТИИА АН УзССР. 1951. Т. 4. С. 39.
- ²⁷ Горбунова Н. Г. К вопросу о датировке комплексов с шурабашатской керамикой в Восточной Фергане//АСГЭ. 1977. Вып. 18.
- ²⁸ Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана; Гаврюшенко П. П. Кулунчакское укрепленное поселение: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1970; Абдулгазиева Б. Восточная Фергана в древности и раннем средневековье: (Система расселения, районирование и типология): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1988; Заднепровский Ю. А. Раннежелезный век Ферганы и проблема возникновения Даваньского государства//Раннежелезный век Средней Азии и Индии: (Тез. докл. членов сов. делегации на первом сов.-инд. симпоз.). Ашхабад, 1984.
- ²⁹ Заднепровский Ю. А. К истории кочевников Средней Азии кушанского периода//Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т. 2.
- ³⁰ Горбунова Н. Г. Некоторые особенности ... С. 104.
- ³¹ Сорокин С. С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры//СА. 1956. № 26.
- ³² Брыкина Г. А. Могильник Кайрагач в Южной Киргизии//КСИА. 1982. Вып. 170.
- ³³ Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана.
- ³⁴ Козенкова В. И. Погребальные памятники Ферганы первых веков нашей эры//СА. 1966. № 1.
- ³⁵ Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана.